

ПЕПЕЛ МАРСА

СТАНИСЛАВ ПРИДУМАЛ

Станислав Придумал

Пепел Марса

<https://litres.ru/74078158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сто лет назад марсианская колония перестала выходить на связь. Земля объявила её погибшей — и поставила мемориал с именами тех, кого больше не надеялась увидеть.

Но корабль «Арес-Заря» возвращается.

На его борту — девятнадцать детей, родившихся на Марсе. Для них Земля слишком тяжёлая, её воздух — слишком влажный, а люди, отправившие их предков на другую планету, — слишком опасные. Доктор Илья Корсаков должен определить, представляют ли они биологическую угрозу. Однако вскоре понимает: опасаться стоит не детей, а правды, которую Земля сто лет прятала в архивах.

«Пепел Марса» — напряжённая научная фантастика о двух мирах, разделённых не расстоянием, а страхом; о памяти, которую нельзя стереть приказом, и о надежде, которая иногда называется просто работой.

Содержание

Глава 1. Тяжёлая планета	4
Глава 2. Карантин	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Станислав Придумал Пепел Марса

Глава 1. Тяжёлая планета

Иллюстрация к разделу: Глава 1. Тяжёлая планета

В день, когда вернулся Марс, в Москве шёл дождь, а доктор Илья Корсаков принимал восьмого ребёнка с лучевой аллергией за неделю. Ребёнок был земной, испуганный и злой,

потому что зудел весь, от век до пяток, а мать смотрела на врача так, будто это он лично устроил протечку на старом спутниковом складе за их домом.

Корсаков подписал назначение, объяснил дозировку, выслушал про управляющую компанию, которая снова ничего не сделает, и только потом заметил, что экран служебной связи горит красным. Красным он не горел ни разу за те семь лет, что Илья работал в Институте радиационной медицины. Обычно он мигал жёлтым, если кто-то в министерстве хотел срочный отчёт, или синим, если лаборатория просила подтвердить доступ к образцам.

Красный означал не аварию. Красный означал, что авария уже стала историей.

На экране было короткое сообщение: 'Объект М-17 обнаружен на высокой орбите. Подтвердить готовность группы карантина. Прибытие в закрытый комплекс через шесть часов'.

Илья прочитал его дважды. Потом ещё раз, медленнее, хотя буквы не менялись. М-17 был кораблём 'Арес-Заря', первым межпланетным транспортом марсианской программы. Сто лет назад он ушёл с Земли как флаг, гимн и обещание. Через семь лет после посадки колонии связь оборвалась. Через девять лет официально объявили, что колонисты погибли. Через двенадцать лет на месте стартовой площадки поставили мемориальную стену с именами.

И теперь эта братская могила летела обратно.

Корсаков снял халат, оставил его на спинке стула и пошёл по коридору к лифту. В окне отражался человек сорока двух лет с усталыми глазами, седыми нитями в висках и лицом, которое давно научилось не обещать невозможного. Он лечил людей после облучений, аварий, плохих решений и чужой экономии. Он знал, как тело сдаётся. Он знал, что надежда почти всегда приходит позже диагноза и почти всегда просит слишком много.

В подземном зале совещаний его ждали трое военных, двое чиновников, биолог Савельева и представитель Объединённого космического агентства по фамилии Тихонов. У Тихонова был вид человека, которому хотелось говорить историческими фразами, но мешала инструкция.

'На борту есть живые', - сказал он вместо приветствия.

Корсаков сел. 'Сколько?'

'Девятнадцать. По предварительной оценке, возраст от восьми до семнадцати. Взрослых нет'.

В зале стало тихо так резко, будто кто-то убрал звук. Савельева первая нарушила паузу: 'Дети колонистов?'

'Потомки', - поправил Тихонов. - Они родились там. На Марсе'.

На стене появился снимок: старый корабль, изъеденный микрометеоритами и марсианской пылью, медленно проходил над голубой дугой Земли. В его корпусе не было ничего торжественного. Он выглядел не как победа, а как вещь, которую слишком долго держали в пустоте.

Илья смотрел на снимок и думал не о колонии, не о политике и даже не о невозможной биологии. Он думал о том, что эти девятнадцать человек никогда не стояли под дождём. Никогда не слышали, как под ногами хлюпает мартовский снег. Никогда не чувствовали земной тяжести.

Через шесть часов их привезли в комплекс 'Север-4' под видом санитарного груза. Карантинный блок был построен ещё после орбитальной лихорадки: три кольца шлюзов, автономная вентиляция, стены с керамическим экраном, окна только внутренние. В комнате наблюдения пахло озоном и новым пластиком.

Когда первый ребёнок вошёл за стекло, Корсаков понял, что слово 'ребёнок' придётся учиться произносить заново.

Это была девочка лет тринадцати. Очень худые запястья, коротко остриженные тёмные волосы, кожа с тёплым, почти медным оттенком. Она шла медленно, будто пол под ней был не полом, а чьей-то ладонью, которая всё время пыталась сжать. За ней держались ещё двое, младшие. Никто из них не плакал. Никто не спрашивал, где родители. Они смотрели на потолок, на лампы, на воздух.

Девочка остановилась у стекла. По другую сторону стоял Илья. Переводчик в наушнике шипел, пытаясь распознать их речь: смесь старого русского, технического английского, колониального жаргона и слов, которых в земных базах не было.

Девочка подняла руку и коснулась стекла пальцами.

'Тяжёлая', - сказала она.

'Что тяжёлая?' - спросил Илья, хотя переводчик ещё молчал.

Она посмотрела прямо на него. Глаза у неё были серые, очень светлые, как пыль после рассвета.

'Ваша планета', - сказала девочка. - Она давит даже через стены'.

Глава 2. Карантин

Иллюстрация к разделу: Глава 2. Карантин

Девочку звали Мира. Не Мирослава, не Мария, не номер из колониального реестра, а именно Мира. Она объяснила это на третьи сутки, когда переводчик перестал задыхаться на каждом втором слове, а Илья научился не торопить паузы.

'У нас имена давали по тому, чего не хватало', - сказала она. - Кому-то Свет. Кому-то Тепло. Мне дали Мир. Потом

стало Мира, потому что я маленькая была'.

Илья записал это в личный журнал, не в официальный протокол. В официальном протоколе дети проходили как 'группа М-17, биологический статус не установлен'. Там не было места для имён, только для параметров: масса тела, плотность костей, иммунные реакции, переносимость давления, состав крови.

Параметры не укладывались ни в одну норму.

На Земле их кости должны были трещать от перегрузки. Они болели, да. Падали, когда вставали слишком резко. Спали по шестнадцать часов. Но через неделю показатели начали выравниваться быстрее, чем у подготовленных космонавтов после долгой невесомости. Уровень повреждений ДНК после контрольного облучения был почти нулевым. Клетки не просто ремонтировали разрывы. Они делали это так, будто всю жизнь ждали команды.

Савельева принесла Илье первые результаты в три часа ночи. Волосы у неё торчали из-под сетки, как у человека, который забыл про зеркало и про дипломатичность.

'Это невозможно', - сказала она.

'У нас сегодня всё такое'.

'Илья, ты не понял. Они не устойчивы к радиации. Устойчивость - это когда вред меньше. У них вред превращается в сигнал роста. Малые дозы запускают восстановление тканей. Как будто Марс встроен им в обмен веществ'.

Илья посмотрел через стекло в спящий блок. Дети лежали

на низких койках, некоторые рядом, плечом к плечу, хотя им выделили отдельные места. Младший мальчик, Тик, даже во сне держал Миру за рукав.

'Мутация?'

'Слишком чисто. Слишком согласованно. Такое не появляется случайно за четыре поколения'.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.